

Се Цзисин перед камерой замер, словно поражённый громом. В комнате наблюдения воцарилась мертвая тишина — и гости, и многотысячная аудитория застыли в оцепенении.

— Отравление? — Мэн Цзэчжоу медленно повторил это слово, переводя тяжёлый взгляд на У Хунъюаня. — Это ведь уже не входит в актёрскую задачу, верно?

У Хунъюань, никак не ожидавший подобного поворота, заметно побледнел. Его самоуверенность испарилась, уступив место панике.

— Я... я сам не понимаю, что происходит! — поспешил он откреститься от подопечного.

— Может, стоит связаться с руководством программы? — вполголоса предложила Инь Ли, заметно занервничав.

— Да, верно. Свяжитесь с ними немедленно, — У Хунъюань ухватился за это предложение как за спасительную соломинку; он чувствовал, что ситуацию такого масштаба ему в одиночку не разгрести.

В это же время Мэн Цзэчжоу жестом приказал ассистенту подать ему телефон. У Хунъюань вздрогнул.

— Ты что задумал?

— Звоню в полицию, — Мэн Цзэчжоу уже набирал номер.

— Послушай, может, не стоит так рубить с плеча? — попыталась сгладить углы Инь Ли.

— Считаю это необходимым, — отрезал Мэн Цзэчжоу, прикладывая трубку к уху.

[У Мэн Цзэчжоу совсем крыша поехала? Зачем сразу полиция?]

[Это же просто шоу, зачем тратить ресурсы правоохранительных органов?]

[Звёздам лишь бы воспользоваться привилегиями!]

[Меня поражают эти дегенераты в чате. Человек признался в покушении на убийство и отравлении, а вы кудахчете про ресурсы полиции?]

Как только Цзи Цзинь самолично выболтал правду о том, что подсыпал препараты в воду Се Цзисина на канале «Апельсин», тот немедленно приступил к следующему этапу своей мести.

«Сестрица Юэ, действуй!» — прозвучал ментальный приказ.

Пряди иссиня-чёрных волос, пахнущие речной тиной и кровью, скользнули в рот Цзи Цзиню. Резкий рывок вниз — и от этого чудовищного усилия челюсть айдола с сухим хрустом вышла из суставов.

Для зрителей трансляции всё выглядело иначе: Цзи Цзинь, исступлённо выкрикивая угрозы убийством, внезапно перешёл на невнятное хрипение, словно от перенапряжения лишился дара речи. Его бессвязные вопли в сочетании с неистовыми взмахами обломка табурета выглядели со стороны как приступ неконтролируемой агрессии.

Получив сигнал от съёмочной группы, организаторы немедленно остановили испытание. Свет во всём особняке вспыхнул разом, заливая комнаты ярким, безжалостным сиянием, однако объективы камер продолжали беспристрастно транслировать происходящее в сеть.

В комментариях начался форменный хаос.

[Господи, как страшно! Где охрана? Он же сейчас забьёт этого бедного NPC!]

[И фанаты ещё смели вкаты, что Се Цзисин третировал этого психа? Посмотрите на него — это же типичный агрессор! Мне через экран не по себе от его вида!]

[Пришёл по тегу из соцсетей. Это и есть та самая «гениальная игра» айдола?]

[Отравление, убийство... Его актёрская карьера достигла пика и дна одновременно!]

[Я тут прикинул хронологию событий... Кажется, этот Цзи Цзинь — настоящий уголовник.]

— Э? — Жань Ши, всё ещё дрожавший от страха, недоуменно заморгал, когда мрак рассеялся. Внезапная иллюминация напрочь разрушила атмосферу хоррора. Теперь, при дневном свете, он чувствовал себя клоуном в гриме. — Что случилось? Мы прошли уровень?

Несмотря на неприязнь к Цзи Цзиню, это было самое логичное объяснение.

Хуай Синьхоу, у которого хватало выдержки поглядывать в чат, заметил замелькавшие слова «яд», «убийство» и «полиция». Его брови сошлись на переносице.

— Похоже, стряслось что-то серьёзное. Идёмте.

Группа поспешила вглубь дома, едва не столкнувшись в дверях с сотрудниками шоу. Судя по их суровым лицам, дело приняло скверный оборот.

В комнате на заднем дворе, несмотря на яркий свет, Цзи Цзинь продолжал неистовствовать. Он словно бы пришёл в сознание, но разум его всё ещё балансировал на грани помешательства.

— У-у-убью... Г-гад... — он размахивал палкой, пытаясь достать Се Цзисина. — П-подохни...

Се Цзисин грациозно уклонялся от ударов, пятясь назад и изображая на лице крайнюю степень ужаса.

— Успокойтесь! Я всего лишь актёр, — кричал он, обращаясь к обезумевшему парню. — Если вы не прекратите, мне придётся защищаться!

Внутренне же он, едва сдерживая смех, давал указания Юэ Циньяо.

«Сестрица Юэ, держи его крепче! Он едва по мне не попал».

Призрак, висевшая под потолком, закатила глаза. Ещё больше чёрных прядей обвилились вокруг конечностей Цзи Цзиня, словно невидимые путы.

Цзи Цзинь замахнулся, попытался ударить, но рука пошла в сторону. Снова замах — и снова мимо. Он напоминал марионетку с запутавшимися нитями или паралитика, потерявшего контроль над телом.

Лениво поуклонявшись ещё немного, Се Цзисин получил сигнал от Невезучего призрака.

«Люди на подходе?»

Он сосредоточился, мысленно передав Юэ Циньяо: «Сестрица, хватай его как следует!»

Затем Се Цзисин окончательно отступил к массивной кровати, упёршись коленями в резной бортик — бежать было некуда.

— Цзи Цзинь, приди в себя! Свет включили, игра закончена! — причитал он, продолжая уворачиваться.

В какой-то момент Се Цзисин намеренно замедлил движение. Обломок дерева с силой опустился вниз. На самом деле Юэ Циньяо успела перехватить и погасить инерцию удара в момент касания, но со стороны казалось, что палка с глухим звуком врезалась Се Цзисину

прямо в плечо.

У зрителей замерло сердце.

[Где охрана?! Почему ему позволяют безнаказанно избивать человека?]

[Се Цзисин, беги оттуда! Не пытайся с ним договориться!]

[Комната крошечная, этот маньяк с оружием перекрыл выход. Куда бежать?]

[Да дай ты ему сдачи уже, смотреть больно!]

Словно в ответ на этот комментарий, Се Цзисин перехватил палку, прижатую к плечу, и молниеносным движением вывернул запястье Цзи Цзиня в обратную сторону.

Раздался отчетливый «крак» — кость вышла из сустава. Правая кисть Цзи Цзиня бессильно повисла.

Но даже в таком состоянии он не унимался, пытаясь левой рукой нанести удар в лицо, а ногами — лягнуть противника.

На губах Се Цзисина промелькнула едва заметная, ледяная улыбка. Он крепче сжал палку и начал наносить точные, выверенные удары по суставам агрессора: левое запястье, локоть, плечо, колено, лодыжка.

Он бил исключительно по сочленениям, действуя в рамках «необходимой самообороны». Движения его выглядели со стороны лёгкими, почти невесомыми, и только сам Цзи Цзинь чувствовал, какой сокрушительной была эта мощь.

Только что оравший во всё горло айдол теперь не мог даже вздохнуть от невыносимой боли. Его ноги подкосились, и он рухнул на колени. Ему казалось, что коленные чашечки раздробились в мелкую крошку.

Объективы камер фиксировали, как Се Цзисин, защищаясь от бесконечных атак, вынужден был сблизиться с противником. Никто не слышал, как он склонился к самому уху Цзи Цзиня и прошептал:

— Больно, правда? Ты ведь так любил танцевать. Я разбил тебе каждый сустав. Как думаешь, получится ли у тебя когда-нибудь снова выйти на сцену?

Это был тщательно выстроенный план мести. С того самого момента, как Цзи Цзинь

переступил порог особняка, Се Цзисин с помощью призраков нагнетал его страх, пробуждал воспоминания об отравлении, заставляя парня поверить в то, что перед ним не человек, а мстительный дух.

Дождавшись, когда нервы жертвы лопнут и он прилюдно сознается в преступлении, Се Цзисин позволил Юэ Циньяо управлять движениями Цзи Цзиня, словно марионеткой, вынуждая того нападать. Итогом стали раздробленные суставы — малая плата за ту жизнь, которую Цзи Цзинь едва не загубил.

— Впрочем, тебе повезло больше, чем мне когда-то. Ты хотя бы останешься жив. Будет время поразмыслить о своих грехах в тюремной камере.

Всё произошло слишком быстро. Прежде чем кто-то успел вмешаться, Се Цзисин, прижимая к себе палку, уже отскочил на безопасное расстояние.

Юэ Циньяо отпустила невидимые нити, и Цзи Цзинь, подобно сломанной кукле, повалился на пол. Его конечности замерли под неестественными углами.

Нин Янь ворвалась в комнату первой.

— Синсин, ты цел?

Се Цзисин сжал обломок дерева в руках, защищаясь, и нахмурил тонкие брови. Его лицо было измазано искусственной кровью, а театральный грим, имитирующий синяки, в ярком свете выглядел пугающе реалистично. Казалось, его действительно подвергли жестокому избиению.

В его глазах стояли слёзы, которые вот-вот готовы были сорваться. Любой, кто посмотрел бы на него сейчас, решил бы, что парень смертельно напуган.

— Он тебя ударил? — прорычал вошедший следом помощник режиссёра, стискивая кулаки.

Се Цзисин бросил короткий, полный боли взгляд на скорчившегося на полу Цзи Цзиня и шмыгнул носом. Его голос звучал надтреснуто и беззащитно:

— Я... я не понимаю, что произошло. Я не делал ничего провокационного, даже не подходил близко. Просто следовал сценарию: появился у колодца, зашёл в дом, произнёс реплику... А он вдруг набросился на меня, как безумный...

— За что он так меня ненавидит? Тогда, во время эфира на канале «Апельсин», он дал мне бутылку воды в гримёрке. Я выпил, и мой голос пропал. Я больше не могу петь, мне пришлось пойти в массовку, играть NPC... Я и подумать не мог, что в воде был яд. Он хотел убить меня... А ведь мы были товарищами по группе...

Вид этого «сломленного», несчастного юноши мгновенно вызвал у присутствующих волну сочувствия.

Цюань Ю'эр, будучи певицей, мгновенно спроецировала ситуацию на себя. Ещё недавно она сама была на грани истерики из-за его пугающего образа, но теперь в ней проснулся материнский инстинкт. Протиснувшись сквозь толпу, она на ходу отвесила лежащему Цзи Цзиню пинок.

Заслонив Се Цзисина собой, она яростно уставилась на айдола.

— Что ты собирался сделать, мразь?!

Цзи Цзинь с вывихнутой челюстью не мог вымолвить ни слова. Он лишь бешено вращал глазами, глядя на Се Цзисина, и издавал невнятные звуки:

— А-ба... ба-ба...

«Не верьте ему! Это он меня чуть не убил!» — билось в его сознании, но наружу вырывалось лишь жалкое мычание.

<http://bllate.org/book/16123/1585472>